

**Отношение между Вселенской Церковью
и Поместными церквями в учении
некоторых богословов II Ватиканского
Собора: Ив Конгар, Шарль Журне, Анри
де Любак**

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на многочисленные конфликты на почве формирования богословского учения, положений, касающихся Троицы и Христа, которые отражались на представлении о тайне, таинствах, природе Церкви и благодати в первое тысячелетие христианства, несмотря на нескончаемые ссоры и распри, примирения, местные схизмы, и уже существовавшие тогда время от времени случаи отсутствия общения между восточной и латинской церквями, в действительности, не один из этих разрывов не может рассматриваться как окончательный, принятый и утвержденный, каковыми кажутся те, что случились во втором тысячелетии.

Разрыв видимого единства, который привел к разделенному в глазах мира христианству, заставляет задуматься над осознанием произошедших расколов. Но было ли в этих сложных обстоятельствах, ставших средой для каждого из конфликтов, стремление создать новую Церковь, независимую от остальной «вселенскости»?

В данной работе мы хотим показать, что схизмы, длительные разделения и напряжение между Церквями стали результатом стечения обстоятельств.

Более того, различное понимание Церкви у христиан будет развиваться по мере взаимного отдаления. Это видно, например, в Православной церкви в России, которая унаследовала экклесиологию от Константинополя и которая отличается по некоторым вопросам от экклесиологии Католической Церкви.

После падения Советского Союза, Католическая Церковь, явившая силу своей веры в своих многочисленных мучениках и исповедниках, и конечно, ослабленная за годы гонений, отныне существует в условиях, не сравнимых с теми, в которых она жила в предыдущие десятилетия. Она обновила свои организации, разрушенные образовательные учреждения, чтобы восстановить институт компетентного и хорошо образованного духовенства. Однако никто не питает иллюзий и не ждет быстрого и легкого развития.

Современная Католическая Церковь в России не только сталкивается с последствиями правления тоталитарного режима, но также с различными обвинениями со стороны Православной Церкви. Последняя не перестает обвинять в появляющихся с благословения местных епископов публикациях в том, что русские католики являются предателями православия, поскольку они присоединились к «папистской римо-католической ереси». «Прозелитизм католической Церкви» стал основным препятствием для экуменического диалога.

В данном трудном для Католической Церкви в России с исторической точки зрения контексте, на самом деле всегда существовавшим в этой стране, нам кажется

необходимым и важным изучение отношения между вселенской Церковью и поместными Церквями, как основной почвы для диалога в настоящее время.

В действительности, по нашему мнению, присутствие католической Церкви в России имеет среди прочих своих задач, миссию воздвигать крепкие мосты между поместной русской православной Церковью и вселенской Церковью, которая представлена в полноте в Католической Церкви, поскольку призыв к единству христиан исходит от Самого Господа.

Как необходимо понимать отношение, существующее между всей Церковью и различными местными или поместными Церквями, соединенными или нет с Римом?

Во-первых, мы хотели бы показать, что отношение между вселенской Церковью и поместными Церквями укореняется в тайне общения Троичного Бога, и, таким образом, сама Церковь является общением. Это общение является даром Бога, плодом божественной инициативы, реализованным в пасхальной тайне.

Во-вторых, мы проанализируем единство или общение между поместными Церквями и вселенской Церковью. Кроме этого мы хотим показать, что епископат и Евхаристия в своей сущности призывают к единству.

И наконец, это единство само по себе требует существования определенного видимого центра, который бы служил гарантом общения между Церквями. Отсутствие центра не только обедняет поместную Церковь, но подвергает ее возможным влияниям мирских идеологий, которые изъедают ее изнутри. Для Католической Церкви этим центром является Церковь Рима и римский Понтифик, поставленный Божественным проведением.

Для исследования поставленных задач мы обратились к Библии и документам Второго Ватиканского Собора, к работам некоторых франкоязычных богословов: отца Анри де Любака, Монсиньора Журне и кардинала Ива Конгара.

1. ЦЕРКОВЬ, ТАЙНА ОБЩЕНИЯ

1.1 ОБЩЕНИЕ КАК ТАЙНА.

Целью нашей главы не было сказать все о Церкви. О ней невозможно сказать всего, невозможно пережить все в ней. Нам постоянно предстоит преодолевать расстояние между тем, что Господь пожелал, создав Свою Церковь, и тем, чем мы живем в Церкви. Иными словами, мы призваны к постоянному обращению, и Церковь находится в состоянии перманентного реформирования.

Абсолютно умозрительная гипотеза о гибели Церкви и последствиях, которые могли за этим последовать, открывает для нас жизненную связь, существующую между Христом и Его Церковью. Эта связь не является исключительно связью основателя с его детищем. Эта связь иного порядка – это тайна. Так, святой Бенедикт основал орден Бенедиктинцев, оставив определенное правило. Святой Бенедикт умер, и Орден пережил своего основателя, продолжив его дело в верности Правилу, но уже без него самого. Иначе в отношении Христа основателя Церкви. Христос Воскресший пребывает до конца времен собственно основанием Церкви: Он присутствует в ней, одушевляя ее Своим Духом. «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф 28, 20) – сказал Он в день Своего Вознесения.

«Церковь как Общение» было ведущей идеей в экклесиологии последнего собора. Это видение Церкви, не будучи новым, было несколько забыто в течение последнего тысячелетия. Оно с радостью было воспринято на II Ватиканском соборе, поскольку позволяло отойти от понимания единства Церкви как некой униформальности, которая поддерживала то, что мы называем «римским централизмом»

«II Ватиканский собор, понимает термин «Общение» прежде всего не как функционирование церковного учреждения, ни даже как отношение между поместными Церквями и Церковью Рима, ни как отношение между крещеными и рукоположенными служителями; этот термин касается тайны Церкви в самом глубинном и интимном аспекте»

Сказать, что Церковь – это тайна общения, значит сказать «этот народ, завоеванный Богом имеет доступ к Отцу, которого он призывает через Иисуса Своего Сына Спасителя, в Духе освящающем». Иными словами, это значит сказать, что члены Церкви участвуют в общении, которое существует между Божественными лицами. Цитируя святого Киприана, конституция собора о Церкви, говорит, что Вселенская

Церковь «берет свое единство от Отца, Сына и Святого Духа». Именно общение между Лицами Троицы является фундаментом общения между крещеными.

Христиане, члены Единой, Святой, Католической, Апостольской Церкви верят в Бога Отца, Сына и Святого Духа. Но какова связь между троичной природой Бога и природой Церкви?

В своем учении о Церкви, II Ватиканский Собор провозглашает аналогию между единством Церкви и Троицей. Кардинал де Любак пишет: «Церковь – это таинственное расширение Троицы во времени, она не только готовит нас к соединенной с Богом жизни, но уже позволяет нам участвовать в этой жизни. Она происходит от Троицы, и она наполнена Троицей» Это основополагающая истина, которая навсегда предотвращает мысль о том, что Церковь – это исключительно земное строение, возведенное из лучших или из самых полезных ее последователей. И, тем не менее, еще опаснее, чем просто забыть эту истину, думать, что она самодостаточна: «сказав лишь это, мы впадем в своего рода церковное «монофизитство», фальшивое в своем одностороннем подходе, и более того, если можно так сказать, в монофизитство христологическое». Необходимо принять парадокс Церкви божественной и человеческой, славной и оскверненной, святой и состоящей из грешников, видимой и невидимой, подчиненной авторитету, и свободной в Духе, земной и небесной, исторической и эсхатологической, временной и вечной.

Однако совершенно ошибочно было бы воспринимать этот парадокс в атмосфере покорного компромисса с грехами членов Церкви. Единство только предстоит открыть и построить. «Церковь – это не какая-то замкнутая на себе самой, но (...) посланная в мир реальность, чтобы провозглашать и свидетельствовать, актуализировать и распространять тайну общения, которая ее создала: собрать все и всех во Христе; быть для всех таинством неотделимым от единства». Но это единство уже является неотъемлемой частью Церкви, потому что Святой Дух уже снизошел, «Церковь в ее эсхатологической реальности уже дана» Первая задача принять ее, с «любовью Божией, которая излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим.5:5): следовательно, как призывает нас литургия святого Иоанна Златоуста перед чтением Символа Веры, «возлюбим друг друга, да единомыслием исповедаем Отца и Сына и Святого Духа, Троицу единосущную и нераздельную»

«Церковь – это действительно творение Бога и Бог всегда действует таким, каков Он есть, иными словами, троично» Вершина этого откровения и этого действия Бога – это воплощение Сына, Который открывает Отца, и Который, будучи прославленным, посылает Святого Духа. Но действия Бога в мире не останавливается на этой вершине, которая является пасхальной тайной. Бог продолжает творить и творить Таковым, Каким

Он является: «продолжение творения Бога есть Церковь. В Церкви Бог продолжает открывать Себя, поскольку в ней и через нее, Он действует»

«Церковь не является Церковью от Бога, но является Церковью Божьей. Она является его неотлучной Супругой, которая служит Ему в вере и в праведности. Она является Домом Бога, и именно в ней Он принимает нас, чтобы отпустить нам наши грехи»

Такова причина, по которой можно говорить о Церкви, как о тайне. Исконная Тайна – это Христос, в Котором Бог открыл Себя полноте времен, но и Церковь является тайной, в зависимости от того, что есть Христос и от того, что Он делает: «открыть невидимого Отца и послать Духа истины». Иными словами, Церковь в послушании Христу, Своему главе, Церковь открывает Бога как Троицу.

Следовательно, мы должны сказать, что, с одной стороны, «Церковь открывает Бога как Троицу, потому что она является Его творением и, с другой стороны, только вера в Бога Троичного позволяет воистину понять то, чем является Церковь».

Это троичное измерение Божественного действия является основополагающим аспектом, который энциклика *Lumen Gentium* назвала в первом же абзаце совокупностью тайнодействия Церкви: «Церковь – это таинство спасения, поскольку является знаком и инструментом (действенным знаком) спасительного действия Бога в мире».

Итак мы называем здесь тайнодейственным, в том смысле, в котором понимает это II Ватиканский Собор, «все что являет через видимые знаки, в зависимости от разнообразных смысловых регистров, реальность Церкви как реальное общение человека и Бога». Именно здесь проявляется идентичность Церкви: потому что она является общением человека и Бога и это отношение является тайной – невидимой реальностью, ставшей видимой в этом мире – неотъемлемой частью Церкви является тот факт, что Церковь – это «*sacramentum seu signum*», таким образом, этим видимым ликом значения, которое проявляет ее как Церковь, как реальное общение Бога и человека.

Поэтому если «совокупность тайнодействия Церкви представляет собой всю целостность возможных проявлений общения человека с Богом, из этого практически «естественно» проистекает то, что пространство может и должно стать привилегированным местом для этого проявления»

«Из этой тайнодейственности проистекает тот факт, что Церковь – это реальность не замкнутая на себе самой, но скорее постоянно открытая к миссионерской и экуменической динамике», чтобы быть «неотъемлемым таинством единства».

«Католическая Церковь – это знамя, поднятое среди народов, как говорит II Ватиканский Собор вслед за пророком (Ис 59, 22), чтобы служить для всех условным

знаком, призывающим к себе тех, кто пока не имеет веры, и уверяющая своих детей в том, что вера, которую они исповедуют, опирается на самое крепкое основание. Она та скала, которую видно издалека, сияющий град, свеча, поставленная на подсвечник, чтобы осветить весь «дом».

Она есть то церковное общение, которое является одновременно вертикальным и горизонтальным, невидимым и видимым». «В этой невидимой реальности, она является общением каждого человека с Отцом, через Сына, в Духе Святом, и с другими людьми, со-участвуя в Божественной природе, в страданиях Христа, в единой вере, в едином Духе».

В Церкви на земле существует глубинная связь между этим невидимым общением и видимым отношением в «учении Апостолов, в таинствах и иерархическом порядке». Через эти божественные дары, которые видимы, «Христос исполняет в истории самыми различными способами свою пророческую, священническую и царскую функцию для спасения людей». Эта связь между видимыми и невидимыми элементами церковного общения образует из Церкви таинство спасения.

Использование слова «таинство» при характеристике Церкви, позволяет подчеркнуть в Боге и во Христе исходную точку и полную зависимость от Церкви. Оно также уточняет «направленность Церкви к проявлению себя и к присутствию для людей тайны вселенской любви Бога, в стремлении к глубинной связи всех людей с Отцом, Сыном и Святым Духом, так же как к общению людей между собой».

Термин таинство явственно указывает на глубинную структуру тайны Христа в отношении с ней, с исконной природой настоящей Церкви. «Поскольку ей присуще быть одновременно человеческой и Божественной, видимой и богатой невидимыми явлениями, горящей в действии и пребывающей в созерцании, присутствующей в мире, но при этом отстраненной от него. Но так, что в ней человеческое управляется и подчинено Божественному; то, что видно - Невидимому; то, что действительно – созерцанию, и то, что присутствует – будущего граду, к которому мы стремимся».

Что касается собственно семи таинств, то они имеют свое значение и смысл лишь в целостной совокупности, которую представляет собой Церковь.

Церковное единство, орудие замысла общения Бога, происходит от Божественного троичного единства; оно происходит не только от единого Бога, но из единства трех Ликов. «И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня. (Ин.17, 22 - 23).

Можно ли объяснить это «как», связывающее единство между учениками и троичным единством, которое является источником этого единства? Можно ли распознать троичный образ и источник в общине учеников?

В этой связи, выделяются три плана:

- Община верующих – это главным образом община сердец, движимых Святым Духом. Эта община сердец выражается в том, что становятся общими материальные и духовные блага. Именно так исполняются указания Деяний Апостолов для первоначальных общин (2, 42 – 47; 4,32 – 35). Между верующими существует абсолютная взаимность и милосердие Святого Духа.

- С другой стороны община обладает видимым принципом единства, есть кто-то, кто символически занимает место Христа, и который первым находится на службе у Духа для освящения других (как Христос был ведом Духом). Деяния свидетельствуют, что Апостолы, а именно Петр, исполняли эту роль в первой общине.

- И наконец, община постоянно отсылает к чему-то потустороннему, вне самой общины: присутствие Господа в общине не замыкает ее на себе самой, ни на горизонте этого мира, единство – не самоцель. Когда Бог присоединяет к ней новых верующих, это делается не для нее; через спасение этих людей прославляется Бог Отец, как указывает святой Павел в начале послания к Ефессянам. Отец – источник Тайны, доброжелательности, который отделяет верующих, чтобы соединить все под одной главой, Христом. И все это ради Его славы.

Эта троичная модель общения хорошо вписана в Церковь. Но нужно всегда отделять, и не путать то, чем Бог является в своей тайне общения и то, что Церковь получает от своего Начала. Иными словами, Церковь только участвует в вечной Любви и воплощает ее по аналогии.

1.2. ЦЕРКОВЬ ПАРТИКУЛЯРНАЯ И ЦЕРКОВЬ ПОМЕСТНАЯ

Сущностная структура Церкви включает в себя то, что в Церкви происходит от ее учреждения через Бога (*iure Divino*), через основание Сыном и через дар Святого Духа. Такая структура может быть только единой и навсегда. Тем не менее, эта сущностная и постоянная структура выражается в некотором конкретном облике и организации (*iure ecclesiastico*), которые являются плодом всевозможных и развивающихся факторов, исторических, культурных, географических, политических... Конкретный облик Церкви таким образом, подвержен развитию; это то место, где проявляются законные, даже необходимые, различия. И, тем не менее, различия отсылают нас к единству структуры.

Различие между главной структурой и конкретным обликом не значит, что между ними есть какое-то разделение. Главная структура всегда подразумевается в конкретном облике, без которой этот облик не мог бы существовать. Именно поэтому конкретный облик не является нейтральным по отношению к сущностной структуре, которую он должен уметь выражать с верностью, действенностью, в данной ситуации.

Из двух явлений, разделенных посредством двух эпитетов (Церковь партикулярная и Церковь поместная), основополагающим из которых является тот, что подразумевает конституция *Lumen Gentium*, когда говорит о «*Ecclesia particularis*»: Церковь – это в первую очередь епархия «связанная со своим пастырем и, через него, собранная в Святом Духе, благодаря Евангелию и Евхаристии».

Под Церковью поместной (*Ecclesia localis*) может пониматься некоторая более или менее однородная совокупность партикулярных Церквей, образование которых происходит согласно географическим, историческим, лингвистическим или культурным обстоятельствам. По действию Провидения, эти Церкви развили собственное богословское, юридическое, литургическое и духовное наследие. Таков случай древних патриархатов.

«Образ партикулярной Церкви представлен епископом, который видимым образом возглавляет Церковь, занимая место Самого Христа». Таким образом эту Церковь составляет собрание крещенных вокруг епископа, учащего вере и служащего Евхаристию. Как заключает *Lumen Gentium* «община алтаря под священным управлением епископа».

Именно поскольку эти Церкви собраны в конкретном месте, «месте реального общения Бога и человека», в конкретном определенном пространстве нашей планеты, партикулярные и поместные Церкви в своей пространственной структуре являются «таинством присутствия Бога» в этом мире. Именно в этом ключе мы можем читать тексты II Ватиканского Собора, которые дают каждой общине, каждой партикулярной Церкви возможность жить в полноте там, где она находит полноту тайны присутствия Иисуса Христа?

Однако говорить о Церкви в мире вовсе не значит, что партикулярные или поместные Церкви должны были бы слепо следовать за «виртуальной вселенскостью и фальшивым общением прессы, телевидением или интернетом». Церковь в мире может значить также, что всюду, где Церковь собирает во Имя свое братьев, чтобы жить Его благодатью и Его светом, проявляется истинное лицо Господа: «если мы не ошибаемся, у предлога «в» первое значение пространственное»

Церковь поместная или партикулярная, это, прежде всего, Церковь, которая находится в определенном месте, как чудесно говорил св. Павел: «Церковь Божья, которая

находится в Коринфе». Когда он обращался к новым общинам, Святой Павел использовал формулы типа: «всем находящимся в Риме возлюбленным Божиим» (Рим 1,7); «церквям Галатийским» (Гал 1, 1-2); всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах (Фил 1, 1); «церкви Фессалоникийской в Боге Отце и Господе Иисусе Христе (1 Фес 1,1; 2 Фес 1,1). Мы можем отметить точность этих формулировок: «такую партикулярную Церковь определяет двойная отсылка – быть в Боге и во Христе и находиться в определенном месте мира».

Будучи таинством Христа, поместная или партикулярная церковь являет Христа в определенном месте и, с самых истоков Церковь понималась именно в этом смысле: достаточно прочесть Деяния Апостолов, чтобы оценить, насколько важна география в повествовании Луки и его экклесиологии.

Тем не менее, несмотря на то, что всегда существует определенное место и что это место собирает людей, побуждаемое самыми разнообразными человеческими интересами, «партикулярная или поместная Церковь не определяется, как таковая, ни месторасположением, ни каким-либо иным фактором будь то естественного или человеческого порядка. Эта Церковь определяется тайной веры». Одним словом мы скажем, что критерий носит главным образом богословский характер.

Церковь живет Духом, который действует в ней различными способами, ради освящения, но также ради общего блага. У нее есть глава, епископ, чья пастырская задача – собирать семью Бога и, через Христа, в Духе, вести к Богу Отцу. Пастырь, во имя Христа, делает видимым невидимого Отца: он «послан отцом семьи, чтобы управлять своими», так чтобы верные «примкнули к своему епископу как Церковь к Иисусу Христу и как Иисус Христос к Своему Отцу, чтобы все согласовывалось в единстве и было славило Бога».

К другому случаю относятся те группы Церквей, о которых говорит II Ватиканский Собор в статье 23, 4 конституции *Lumen Gentium*, и которые она называет «Поместные Церкви». Несмотря на то, что Провидение пожелало создание этих Церквей, эти различные группы, более или менее значительные, имеют в своей структуре что-то случайное, и факторы, которые участвовали в их формировании, по меньшей мере частично, носят чисто человеческий характер. «Они пользуются, в случае надобности, своей собственной дисциплиной, собственными литургическими обычаями, собственным богословским и духовным наследием на законном основании, поскольку все это существует, организуется и развивается без вреда для единства, веры и единого созидания Вселенской Церкви». По многим причинам некоторые из этих групп называются «Преподобными»: это древние патриархальные Церкви; но могут образовываться и другие

Церкви, и так было всегда, самых различных типов, в течение веков, согласно превратностям истории. Повторим вслед за соборным декретом Ad Gentes, что критерий образования этих Церквей по большей части «социо-культурный»

Однако не будем упускать из виду тот факт, что различие, установленное между партикулярной и поместной Церквями неизбежно схематично. Даже вдвойне схематично. С одной стороны, на самом деле, «все, что сказано о поместной Церкви как совокупности партикулярных церквей, может быть также применено к каждой партикулярной церкви, если рассматривать ее не как собранную своим Пастырем в святом Духе благодаря Евангелию и Евхаристии, но как, в свою очередь, сгруппированную или нет с другими своими местными частями».

Более того, с другой стороны, мы должны констатировать существование многих видов объединений Церквей, чьи происхождение и природа разнятся. «С апостольских времен определенное количество Церквей Азии, образовывали единое целое, завися, как считается, от Эфеса, где пребывал их основатель св. Иоанн. То же было с церквями Крита, которыми Тит, посланный св. Павлом, руководил как апостольский посланник или как епископ метрополии».

Во всяком случае, скажем более конкретно, что поместная Церковь всегда сформирована из партикулярных Церквей и что в этой Церкви существует как «центробежное», так и «центростремительное» движение. Таков пример Армянской поместной церкви, которая зависела в 4-м веке от Цезарии Каппадокийской, потому что именно в Цезарии ее основатель был крещен»

Тем не менее, независимо от того, поместной или партикулярной является Церковь, она всегда обладает своим неповторимым обликом, состоящим из черт, где смешивается светское и религиозное. II Ватиканский Собор говорит в самом широком смысле о «Патриархатах», в зависимости от того, могут ли они претендовать на апостольское происхождение или обязаны своим образованием политическим причинам.

Партикулярная Церковь, на самом деле, «не является только лишь неким административным округом целостной Церкви; она не является результатом некоторого деления пространства вселенской Церкви, но некоторым средоточием Церкви, которое осуществляет свою собственную реализацию». Эта церковь не является частью некоторого более обширного административного тела, некой частью, которая присоединяется к другим частям, чтобы сформировать некоторое целое, так, что при этом каждая из частей остается внешней по отношению ко всем остальным. Так как, например, объединяются регионы России, чтобы сформировать административное тело Государства. «Епархии Католической Церкви никогда не покрывали территорию имперских районов,

хотя общие границы Христианства были постепенно очерчены, особенно на Востоке, под действием тех же географических и исторических факторов, что и Имперские»

Необходимо отметить, поскольку «Церковь состоит из живых людей на земле, всякая Церковь существует на территории, которая не принадлежит их соседям, чьи члены не принадлежат другим Церквям, чей Пастырь исполняет юрисдикцию, которую он не исполняет над другими Церквями: именно здесь можно напомнить канонический аспект партикулярной Церкви, и именно этому аспекту соответствует имя епархии».

В общем, Католическая Церковь не противопоставляет себя поместной Церкви как некоторая окружность некому сегменту этой окружности, но как организм, который состоит из органов неразрывно связанных друг с другом, различающихся друг от друга, либо живущих тем не менее тем же единым жизненным принципом. Каждая поместная Церковь живет в имманентности и вселенская Церковь образуется из общения всех, поскольку она существует только в них и через них. Между двумя Церквями существует отношение взаимной имманентности, таким образом, что нельзя их противопоставить друг другу, как две совершенно отдельных единицы.

1.3. ПЛЮРАЛИЗМ ИЛИ ГАРМОНИЯ?

Не желая игнорировать или стирать культурные различия внутри Церкви, последний Собор четко обозначил необходимость эти различия уважать. Он подчеркнул необходимую и благодатную роль, особенно во второй главе *Lumen Gentium* и в третьей главе *Ad Gentes*: «каждая часть ее даров, так что все части возрастают посредством вселенского взаимного обмена и посредством общего усилия к полноте к единству» Вот почему хорошо, что в Церкви существуют различные группы, каждая из которых обладает своей собственной традицией.

Что касается «молодых Церквей» декрет *Ad Gentes* стремится ратовать за конкретное применение принципа, установленного *Lumen Gentium*: «... по подобию экономии спасения, молодые Церкви, укорененные во Христе и созданные на основании, которым является Апостолы, принимают благодаря чудесному обмену все богатства, которые были даны Христу в наследство. Они воспринимают в обычаях и традициях своих народов, их мудрости, науки, их искусстве, их дисциплине, все, что может служить исповеданию славы Создателя, осветить благодать Спасителя и как следует упорядочить христианскую жизнь».

Тем не менее, применение на практике этих учений может представлять собой некоторые проблемы. Мы видим это на многочисленных примерах, с самых первых

времен христианской экспансии. История прежде всего показывает, что «великими миссионерскими Церквями стали Церкви, которые вместе с Евангелием принесли свою исконную культуру: Александрия в Эфиопии, Сирия в Китае, Константинополь для славян, Рим для всего Запада. Церкви слабой христианской культуры не имели большого евангелизаторского размаха».

Чтобы культурный вклад, который неизбежно совмещается с делом евангелизации не уничтожал культуру народа, которому несетя Евангелие, но напротив, вносил свой вклад в оживление и углубление этой культуры, преображая ее. Именно поэтому необходимо постоянное усилие, которое сохраняло бы смирение и духовное распознавание, опираясь на человеческую мудрость и на бескорыстное милосердие.

С другой стороны, «после Пятидесятницы сама ткань различных культур стала основой для многих церковных образований. Можно говорить в широком смысле о сирийской, греческой, латинской, коптской, армянской, эфиопской, индийской...». Они не представляют собой копий единой модели, которая была бы более или менее адаптированной к каждому случаю. Их оригинальности присуще нечто радикальное. Каждая из Церквей возростала на своей почве, рождая свою «литургию, гимнографию, богословие, право, в глубоком симбиозе с человеческим сообществом, которое она христианизировала».

Если христианская вера едина, человеческая культура изменяется во времени и пространстве. Отсюда та социо-культурная самобытность, иногда очень выраженная, каждой из поместных Церквей. Именно в этом заключается благо для всей вселенскости вообще. «К элементу Божественного единства, принесенного первыми основателями, движимыми единым Духом, добавляется богатый элемент разнообразных человеческих проявлений». Так осуществляется «единство сверхъестественного и естества (здесь имеется в виду, человеческого, относящегося к культуре), в чем признается все, что является «исконно католическим»

Конкретное и живое единство Церкви не является «единообразием». Она, если можно так сказать, является «многообразием». По выражению Игнатия Антиохийского партикулярная Церковь - «это большая лира, чьи разнообразные звуки, должны согласовываться, оставаясь отличными, должны согласовываться, чтобы составить гимн хвалы Отцу».

Только, для того, чтобы реализовалась гармония, всякое различие должно быть воспринято в сущностном движении к единству. Туника Христа была «цельнотканой»: святой Киприан видит в этом символ единства Церкви. Святой Игнатий Антиохийский

призывал всех членов Церкви «пребывать в этом непорочном единстве, чтобы участвовать в самом Боге»

Иногда динамизм веры какой-либо партикулярной или поместной Церкви снижается, «она так сильно заботится о том, чтобы выразить исконную жизнь совокупности Церквей, к которой она принадлежит в определенный момент истории и в определенном месте в пространстве, тогда забывают, либо даже стремятся ослабить двойную, непрерываемую связь единства с апостольской традицией единой Церкви, проходящую через времена и пространства»

Бывает также, что поощряется именно человеческое различие, в ущерб сверхъестественному единству. Именно в этом причина всякого рода конфликтов, столкновений, непониманий, презрения, враждебности; здесь же кроется риск впасть в многочисленные искажения и растерять католическое наследие. Все поддаются центробежному движению, вместо того, чтобы им управлять. «То, что должно бы стать точкой соприкосновения и гармонии, обращается в расхождения и диссонанс. Церковный смысл ослабевает».

Уже тогда, когда решения II Ватиканского Собора поощряли самобытность поместных Церквей, было сказано о возможной опасности такого рода. Он неуклонно напоминал о сугубой необходимости движения к полноте и единству. Тем не менее мы должны подчеркнуть разницу между плюрализмом, необходимым в Церкви, и плюрализмом доктринальным, которого необходимо избегать. Отцы последнего Собора констатировали, что подобное «разнообразие в рамках единства, укрепленного общением, всегда было традицией апостольских Церквей». Это то, что наблюдал на римском синоде в 1969 году кардинал Войтыла, Архиепископ Кракова: «общение, на самом деле, обозначает единство в своем динамическом аспекте. Оно является тем видом единства, которое достигается между различными членами путем общения, которое стремится быть все более глубоким и обильным. Таким образом, множественность, более того, даже различие – это то, что необходимо воспринимать для общения, ради стремления к единству».

Нужно глубоко уважать такие различия, которые привносят свой вклад в истинное католическое единство. Но напротив, такое единство было бы скомпрометировано наступлением доктринального плюрализма. Вместо «вселенской Церкви, которая все больше показывала, что ее единство состоит из множества, «*circundata varietate*», мы увидели бы Церковь, раздираемую в разных направлениях». В истории этому есть множество примеров. И мы можем констатировать, что карта непрерывных схизм, которые раздирали христианскую Церковь, практически всегда совершенно совпадали с

границами больших культурных зон. Дело в том, что «социологические динамические факторы, составляющие любую культуру, естественным образом стремятся к эксклюзивизму», которому она может поддаться. Всякая настоящая культура, несмотря на социологические факторы, носит открытый и универсализирующий характер. В действительности, природная социология не может быть определяющей в богословии.

Очевидно, что подъем националистических настроений к концу Средних веков на западе создал благоприятную ситуацию для создания в XVI веке, территориальных Церквей, которые были оторваны от католичности. В Церквях Востока, в свою очередь, превалировала идея автокефальности. Все это происходило не без риска уменьшения чувства принадлежности вселенской Церкви. Православные богословы не первые, кто изобличили это зло: как, например, отец А. Шмеман, который сравнивает современную ситуацию с ситуацией в первоначальной Церкви. Последняя, по словам о. Шмемана, обладала чувством третьей расы, в которой не было ни иудея, ни эллина; она обладала сознанием, что несет в себе истинную жизнь: не отрицая естественные особенности каждого народа, она преодолевала и преображала их, принося, таким образом, полноту и кафоличность».

«Поэтому церковный национализм обретает самые благодушные формы, в которых постепенно уменьшается смысл кафоличности (вселенскости), о чем живо свидетельствует христианская традиция».

Разумеется, законно, и по многим причинам, говорить о «Церкви Англии» о «Церкви России», о «Церкви Украины» и т.д. Такие выражения имеют чисто практический характер; они подкреплены учением, и на эти Церкви не нужно оказывать давления, как предупреждают нас слова св. Павла: «На самом деле, когда он называет группы Церквей, которые обязаны ему своим существованием, он не говорит: Церковь Галатии или Церковь Азии, но «церкви Галатийские», «Церкви Асийские» (1 Кор. 16,1 и 19).

Тем не менее, рассматривая распространившееся более или менее систематично, практически идентичное выражение «Русская Церковь», в нем трудно признать положительный знак, «поскольку он позволяет предположить, что эта Церковь уже склоняется к схизме», «Не будет ошибочным увидеть в таком выражении меньшее проявление ума мистической реальности Церкви как партикулярной так и вселенской». К этому необходимо относиться с осторожностью, всякая организация и всякая инициатива стремящаяся развивать и пробуждать внутреннюю жизнь всякой поместной Церкви должна всегда поощряться.

Доктор А. М. Рамси, Архиепископ Кентерберийский, прекрасно отметил важность поместной Церкви и условие, которому она должна соответствовать, когда он пишет: «ни одна из поместных Церквей не может потребовать лояльности от христианина по отношению к себе самой, как только ведя его куда-то за свои собственные пределы, к вселенской семье, которую она представляет. Католическое строение таким образом не является иерархической тиранией, но средством освобождения через включение в Евангелие Бога, Церкви всех времен»

2. ЦЕРКОВЬ ВСЕЛЕНСКАЯ И ЦЕРКВИ ПАРТИКУЛЯРНЫЕ

2.1. НЕИЗБЕЖНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

«Церковь Христа, провозглашенная Единой, Святой, Католической и Апостольской в Символе веры, является вселенской Церковью, иными словами, вселенской общиной учеников Господа, которая становится присутствующей и действующей в определенных чертах и различиях людей, групп, эпох и мест». Она не является народом, каковым является, например, русский народ. Она есть народ, который Бог приобрел, который Он созывает, который Он собирает. Она есть народ сыновей, чей Бог – Отец. Эта Церковь Христа представлена в партикулярных Церквях со всеми своими сущностными элементами.

Партикулярные Церкви образованы по «образу Церкви вселенской», и каждая из них является «частью народа Божия, доверенная епископу, чтобы с помощью своих пресвитеров, он стал ее пастырем». Вселенская Церковь – это «Тело Церквей»

Мы знаем, что с самого начала, христианский язык говорил о Церкви в единственном числе и о Церквях во множественном. «Церковь Божия – едина: есть только одно Тело Христово, одна Супруга Христа, одна овчарня, одна паства у одного Пастыря; есть только один новый Израиль, этот святой народ, который Апостол Петр называет Израилем Божиим (Гал 6, 16), Церковь Божия, которую он прежде «жестоко гнал» (Гал 1, 13).

Тем не менее, начиная с первой христианской общины, образовались Иерусалимская Церковь Мать, другие общины, другие Церкви, которых так же много, как городов, в которых таким образом укореняется единая Церковь: так мы читаем в Деяниях Апостолов, как Павел в сопровождении Силы, пересекают всю Сирию и Киликию, чтобы посетить здешние Церкви и укрепить их в вере (Деян. 15, 41: 16,5).

В 1970 году отец Буае (Bouyer) написал, что «Церковь единая и вселенская ... существует конкретно только в поместных Церквях и что, в свою очередь, всякая поместная Церковь является лишь проявлением Тела Христова, которое так же неизменно присутствует во всяком месте, во всех остальных Церквях»

Иными словами «поместная или партикулярная Церковь является в своей сущности всем, чем является вселенская Церковь». Между партикулярной Церковью и вселенскостью Церкви, «существует своего рода взаимная внутренность». «В сердце каждой партикулярной Церкви таким образом в своем принципе представлена вселенская Церковь. Каждая, в качественном отношении, является Церковью. Каждая является живой ячейкой, в которой присутствует вся жизненная тайна единого Тела Церкви? каждая

всесторонне открыта через связи общения и сохраняет свое церковное бытие только посредством этой открытости»

И именно благодаря этой взаимной включенности, существуют радикальная корреляция, поэтому нельзя сказать, что партикулярные Церкви должны быть включены во вселенскую Церковь: они являются таковы уже по причине своего собственного существования. Так «вселенская Церковь вовсе не является некоторой федерацией, в которую партикулярные Церкви могли бы войти, сформировавшись до этого и независимо от нее, она есть Невеста Христова. Ее единство органично и таинственно».

Поэтому «нужно избегать формулировок типа «наши две Церкви», то есть Католическая Церковь и Православная Церковь. Эти формулировки становятся источниками путаницы и недопонимания в богословском смысле. В действительности, «Церквями сестрами можно называть только партикулярные Церкви по отношению друг к другу (или объединения партикулярных Церквей, например, Патриархаты или церковные Провинции между собой). Необходимо ясно понимать, что когда выражение Церкви сестры используется в своем конкретном значении, Церковь вселенская, единая, святая, католическая и апостольская является не сестрой, а матерью всех партикулярных Церквей».

Только в согласии или в общении с другими партикулярная Церковь идентифицируется как Церковь Бога, поскольку единство присуще Церкви, а не Церквям.

Народ Божий – единый народ, не потому что он состоит из многочисленных партикулярных Церквей, но потому что каждая партикулярная община – это лишь форма, в которой присутствует этот единый народ Божий.

Слабость экклесиологии, которая слишком узко (или лучше сказать, слишком неполно) «евхаристична», может заключаться в том, что подчеркивается определенный фрагмент партикулярной Церкви, забывая эту радикальную связь. А. Шмеман осознает это; по его словам, необходимо «энергично утверждать, что евхаристическая экклесиология не делает из поместной Церкви закрытую на себе самой монаду (...). Органическое единство вселенской Церкви – не менее реально, и так сказать, осязаемо, чем единство поместной Церкви».

Более внимательное отношение к институту епископства как к тайне Евхаристии, позволяет избежать подобной однобокости.

Как нельзя говорить о том, что вселенская Церковь составлена благодаря присоединению партикулярных Церквей друг к другу по принципу федерации, так же нельзя говорить о разделении вселенской Церкви на части, и для которых она была бы

предшествующей Церковью. Все Церкви происходят от первой партикулярной Церкви, церкви Иерусалимской, они словно размножились черенкованием и пересадкой».

Однако иногда, идея общения партикулярных Церквей представлена так, что понятие единства Церкви ослабляется в ее видимом и институциональном измерении. В результате вывод о том, что всякая партикулярная Церковь является некоторым самодостаточным субъектом и что вселенская Церковь есть результат взаимного признания партикулярных Церквей. Эта церковная однобокость, которая обедняет не только понятие вселенской Церкви, но также понятие партикулярной Церкви, показывает недостаточное понимание понятия «общение».

Как «показывает сама история, когда партикулярная Церковь стремилась получить автономию, ослабляя свое реальное общение с вселенской Церковью и своим видимым, жизненным центром, разбивалась ее внутреннее единство, она рисковала потерять свободу в противостоянии многочисленным силам, угрожавшим ей порабощением или эксплуатацией».

«Вселенская Церковь не может быть расценена как федерация партикулярных Церквей», но является в своей сущностной тайне «онтологически и хронологически предшествующей каждой, отдельной Церкви».

2.2. РУКОВОДЯТ ЕПИСКОПАТ И ДУХОВЕНСТВО

Понятие «Народа Божия» - это богатое и плодотворное понятие, но необходимо добавить, что этот Народ Божий является Телом Христовым. Именно здесь кроется новизна народа Нового Завета по отношению к Ветхому. Члены Народа Божия – дети Отца в Единственном Сыне, и вместе они составляют Тело, чьей Главой является воскресший Христос.

Выражение «Церковь – это Тело Христа», или «Тело, чьей Главой является Христос», позволяет нам обозначить место и роль служителей. На самом деле служители действуют во имя Христа Главы ради жизни и возрастания Его Тела, что невозможно определить и прояснить в еkkлесиологии, которая сводится к выражению «Народ Божий».

Общество, каким бы оно не было, не может организоваться, не признавая некоторой власти, действующий ради общего блага. Так и Церковь как человеческое общество, «таинство» тайны Божией, не может избежать присутствия в ней такого явления как власть. Однако необходимо подчеркнуть уникальность этой власти: эта освященная власть укореняется в таинстве Священства, исполняемом во Имя Христа. II Ватиканский Собор использует термин «власть» или авторитет, когда он говорит о миссии

епископов. Эта власть основывается на таинстве, иными словами на жесте Христа, совершенном в Церкви, жесте, дающем «авторитет». Это авторитет во имя Христа и на служении у крещеных. Наделенный властью никто иной, как слуга на службе у своих братьев, сам подчиненный Христу в послушании.

«Первая задача священнослужителя – это служение ради единства, что значит, установление диалога и общения. Таким образом священник претворяет в жизнь учение Церкви о внутренней коммуникации, чтобы установить «общение» или «общение верных», как можно более полное и как можно более единое»

«Тело Христово не является некой невидимой Церковью, ни каким-то беспозвоночным народом. Именно благодаря размышлению пастырей осуществляется материнская функция всех и каждого, как по отношению к Слову Божию в душе человека, так и по отношению всей общины в целом». Поскольку именно через них, приемников первых апостолов, Божественная жизнь продолжает передаваться и именно они продолжают сохранять в неприкосновенности и одновременно в плодотворности «целомудрие веры». Они «соратники Божии», «распространители тайн Божиих», они произносят «слово примирения», как полномочные представители Христа. Без сомнения иерархия – это не Церковь, но структура Церкви – иерархична. Нельзя противопоставлять пирамидальное и общинное понимание Церкви: в своей односторонности они карикатурны. Влияние как одной так и другой концепции на практическую жизнь Церкви может повлечь самые разрушительные последствия.

Постоянным лекарством от всякого рода односторонности является коллегиальная связь епископов. Епископат един и неделим.

Коллегиальность епископов «может развиваться во всей пасторской плодотворности только, если она связана с теми, кто от «Первородного», от «Отца» получили свое братство... Она свершается, только если конкретный епископ действительно представляет свою Церковь и если, благодаря ему, часть церковной полноты действительно сохраняется в единстве».

Идея епископской коллегиальности с самых ранних веков выражается не в систематизированной теории, но в фактах, и через «совершенно ясные формулировки, как у многих пап, среди которых Целестин I, который пишет Несторию: «Ты отделился от нашей Коллегии, или от «вселенскости Коллегии».

Епископ находится в центре поместной Церкви, как служитель Духа, чтобы распознавать харизмы и следить, чтобы они реализовывались в согласии, ради блага всех, в верности апостольской традиции. Он служит начинаниям Духа, чтобы ничего не мешало

верным участвовать в возведении *κοινωνία*. Он служитель единства, слуга Господа Иисуса Христа, чья миссия заключается в том, чтобы собирать в единстве детей Божиих»

Коллегия епископов, которая является преемницей Коллегии Апостолов, одновременно свидетельствует о различии, вселенскости и единстве Народа Божия. Эта коллегия расширяется в отношениях с совокупностью Церкви, с епископским Телом в целом, в единстве с Папой. «Задача епископов, преемников Апостолов, вместе с преемником Петра, викарием Христа, управлять домом Бога живого», то есть Церковью. Каждый епископ в своей партикулярной Церкви солидарен со всяким епископским Собранием, которому было доверено, вслед за Апостольской коллегией, блюсти чистоту веры и единство Церкви.

Епископская коллегиальность присуща самой структуре Церкви, полученной от Христа. Такие институты, как епископские конференции рождаются из организаций или из конкретного образа Церкви (*iure ecclesiastico*); таким образом, использование терминов «коллегия», «коллегиальный», «коллегиальность» происходит только по аналогии, без богословского значения.

В современной ситуации отношения между партикулярными Церквями, как отношения этих Церквей с Римом, исполняющим служение единства и вселенского общения, часто представляются трудными. Грехи людей часто толкает их к тому, чтобы преобразовывать различия в противоречия. Вот почему так важно неустанно искать в общении с Римским Престолом и под его водительством лучшие способы выражения католической вселенскости, позволяющие взаимопроникновение самых различных человеческих факторов в единстве веры.

Коллегия епископов является лишь отблеском и традицией этого органического единства Церквей: его структура проистекает из самой структуры Церкви, в которой различные органические элементы, соединены во едино в рамках одного целого. Все партикулярные Церкви суть одна и та же единая Церковь чрез общение всех епископов в едином апостольском служении.

2.3. ЕВХАРИСТИЯ И ЕДИНСТВО

Единство или общение между партикулярными Церквями во вселенской Церкви, кроме того факта, что они были основаны в единой вере и крещении, особым образом выражается в Евхаристии и Епископстве. Единство укореняется в Евхаристии, поскольку евхаристическое жертвоприношение, несмотря на то, что оно служится в определенной общине, никогда не является служением одной лишь этой общины. Принимая

евхаристическое присутствие Господа, эта община получает дар спасения, и сохраняя всю свою видимую самобытность, она являет образ и истинное присутствие Церкви единой, святой, католической и апостольской.

Новое открытие евхаристической экклесиологии, тем не менее вылиться в однобокое утверждение определенных принципов. Утверждается, что там, где служится Евхаристия присутствует вся тотальность Церкви, и все остальные принципы единства рассматриваются как второстепенные.

Более радикальное явление встречается, когда образование Церкви приравнивается к собранию во Имя Христа, как говорится об этом в Мф 18, 20.

Эти и другие ошибки будто не принимают в расчет, что сама Евхаристия делает невозможно любую автономию партикулярной Церкви.

Единство Евхаристии и единство Епископства с Петром и под началом Петра не отделенные друг от друга корни единства, потому что Христос установил Евхаристию и Епископство как две сущностно связанные вещи. «Епископство одно как и Евхаристия одна: единое Жертвоприношение единого Христа, умершего и воскресшего».

Литургия разными способами выражает эту реальность, показывая, например, что любое служение Евхаристии связано не только с епископом, но с Папой, со всеми епископами, священством и всем народом. Каждая Евхаристия свидетельствует об этом общении со всей Церковью, либо взывает к этому единству, как это происходит в Церквях отделенных от Рима.

По замечательному выражению Анри де Любака: «Евхаристия делает Церковь».

Экуменическое сближение с Православием стремится к этому общему поиску троичной связи между Евхаристией и Церковью. Отцы Церкви имели более глубокое нежели мы осознание этого единства, нежели мы, и это осознание возвращается в *intellectus fidei*, благодаря литургическому и патристическому обновлению II Ватиканского Собора. Великий пионер современного возвращения «христианским истокам» показал, что у Отцов Церкви, священное Тело Христа, обозначаемое как «*Corpus mysticum*», порождает церковное Тело, обозначаемое «*Corpus verum*», и эта необычная для нас лингвистическая перестановка не ослабляет сущностного дара Христа в Евхаристии.

Все призывает нас рассматривать отношения Церкви и Евхаристии. Можно сказать, что между ними существует взаимная обусловленность. Обе реальности были, так сказать, доверены друг другу Господом. И через это мистическое взаимодействие, Единое Тело строится в условиях настоящего и вплоть до своего завершения.

Крещение помещает нас в Иисуса Христа и всех вместе - во Вселенскую Церковь.

Евхаристия ведет нас еще дальше в тайну этой инкорпорации. Достаточно обратиться к текстам, чтобы еще лучше это понять: Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, [так] и ядущий Меня жить будет Мною (Ин. 6, 57). Сравним его с другим отрывком: «Я уже не в мире, но они в мире, а Я к Тебе иду. Отче Святыи! соблюди их во имя Твое, [тех], которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы... да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе... И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино (Ин 17, 11; 21; 22).

Святой Августин бережно говорит об отношении между евхаристическим Телом и мистическим Телом Христа. Формула «Евхаристия делает Церковь» хорошо передает его мысль. Действительно, Епископ Гиппонский подчеркивает мистическое единство Христа всецельного, Главы и Тела. Он объясняет требования единства, даже прибегая к брачному символу одной плоти и одного тела: «вы имеете жизнь в Нем, становитесь единой плотью с Ним. Это таинство доверяет нам Тело Христово не для нашего разделения. Апостол утверждает, что эта истина была провозглашена в Писаниях: «Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви (Ефес 5, 31 – 32).

Поэтому Тело Христа едино. Существует только одна Божия Церковь. Единство евхаристического собрания с другим собранием, происходит от того, что все они служат одно и то же воспоминание, что все они питаются одним телом и испивая от одной чаши, все эти сообщества становятся единым Телом Христа, в которое все мы включены единым крещением. Есть много служений Евхаристии, но единая тайна. Кроме этого, когда верный причащается Тела и Крови Христа, он получает не часть Христа, но всего Христа.

Таким образом Евхаристия в своей сути призывает к единству Церкви. Разрывы, которые происходили в Церкви остаются раной и серьезным искушением, которое ослабляет миссию Церкви в мире: даже те, кто не верит в Иисуса Христа требуют от христиан единства.

3.1. ЕДИНСТВО И РАЗЛИЧИЯ В ЦЕРКОВНОМ ОБЩЕНИИ

Для множества современных христиан, особенно для тех, кто с щедростью и желанием вовлечен в экуменическое движение, единство – это характеристика Церкви, которую Церковь обретет, когда, благодаря экуменизму реализуется, объединение христианских Церквей, когда потерянное единство будет вновь создано благодаря примирению.

Нет ли противоречия таким образом с образом Церкви по подобию Троицы?

Отец де Любак был достаточно реалистичным, чтобы констатировать ограничения подобного прямого переноса, коренящиеся в единичном характере троичной Божественной Личности. Мы вполне становимся личностями только «в рамках Личности Сына, через которую и в которой мы приобретаем Троичной Жизни». Но эта связь, по Любаку ускользает от нашего прямого опыта в общественной жизни, и требует «первичных условий» оторванности и одиночества.

Церковь, в которой преобладает атмосфера неразрешимых конфликтов и взаимного равнодушия не только не является «иконой Троицы», которая недостойна веры. Этот образ замутненный и расколотый образ дискредитирует саму модель.

Мир людей, различающийся в пространстве и времени, полон противоречий, загадок и двусмысленности, в своей красоте, как в своей жестокости, в своих надеждах, как в своих опасностях. У этого мира получается воссоздать троичное единство своего Создателя и Спасителя, только как в кривом зеркале. Но обетование не умирает: «Теперь мы видим как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан (1 Кор 13, 12).

Это видение Церкви как «отражения», «образа» или «всецельности», живого выражения Троицы или Троицы как «архетипа» или «источника» церковной общины, проходит во многих официальных документах через понятие общения как такового, но также через место различных форм жизни в рамках этого общения, или через экуменизм.

Основополагающий вопрос в том, чтобы понять что такое различие в Церкви. Трудность коренится в существовании двух видов различий. Есть различие, которое исходит от искаженной грехом природы человека. Это различие, которое основано на естественной индивидуальности человека, греховной, расколотой. Это разнообразие, которое строится из фрагментов вселенской человеческой природы.

Но есть различие иного порядка. Это множественность, исходящая от людей, наделенных свободой и освященных Святым Духом.

Единству Церкви не противоречит тот факт, что существует разница в обычаях и традициях, эта разница делает ее еще более красивой и является помощью в осуществлении ее миссии. Особенности и различия не разрушают единства Церкви, но придают ей значение, приносят свой вклад в единство. Именно исходя из партикулярных Церквей существует Церковь Католическая и единая.

Нет ничего более противящегося истинному христианскому единству, чем поиск унификации: она всегда состоит в том, чтобы придать вселенскости определенную форму, заключить жизнь в некоторую форму. Конкретная и живая реальность Церкви – не

унифицирована. Она, если можно так сказать, многообразна. Она является некоторым концептом, гармонией.

Только, чтобы гармония реализовалась, всякое различие должно восприниматься в сущностном движении к единству. Схождение Святого Духа на Пятидесятницу начало это движение: тогда все, по словам св. Иренея, «созвучно на всех языках, воспели хвалу Богу, поскольку Дух привел к единству все расы и начатки всех народов».

В первые века христианства мы видим не только стремление к единству; уже присутствует желание его сохранить, быть верными, несмотря на конфликты и распри личные или коллективные, которых по-прежнему хватает в этом мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЦЕРКОВНОЕ И ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ

Напряженность, которая существует между Католической Церковью и Православной Церковью в России, где мы живем, не мешает нам утверждать, что Церковь – это общение. Единство происходит от Троицы, Она образ тайны Бога. Единство – это не человеческое образование, но Божественное дело. Единство – это общение людей с лицами Троицы, которая является источником общения между верными.

Поэтому, как было сказано, необходимо понимать единство Церкви не как некоторую униформальность, однообразие, но скорее как общение, подразумевающее законное многообразие, признающее различия и призывающее каждого принести свои богатства на благо всех. Это общение должно начать новые отношения и новые формы работы между партикулярными или поместными Церквями и Церковью Рима, видимым знаком вселенской Церкви. Единство христиан – это требование миссии.

Достойно сожаления, что средство, данное нам Богом, чтобы обеспечить единство Церквей, средство столь же необходимое, как и признанное, критикуется и отвергается. В действительности, именно епископ Рима, Пастырь Церкви, является служителем вселенского общения. Эта Вселенскость, представленная преемниками Петра, не является некоторым внешним добавлением к партикулярной или поместной Церкви, но одним из ее интегральных составляющих элементов.

Можно ли обвинять Папу в том, что он посещает поместные Церкви или что собирает епископов, чтобы «укрепить братьев в вере»? По какому праву можно обвинять Рим в том, что он просит об отставке епископа, который не действует в общении как член «Коллегии епископов»?

Несмотря на то, что сегодня мы наблюдаем кризис экуменического движения, на наш взгляд, назревает новое открытие Церкви как истины веры, смысла общения между вселенской Церковью и поместной Церковью, понимание роли Высшего Понтифика как преемника Петра, видимого и постоянного основания для епископата. Поскольку через диалог мы можем достичь более истинного познания и более правильной оценки доктрины жизни каждой из общин.

Хотим мы того или нет, но общение между Католической и поместной православной Церковью существует. Несмотря на то, что православная Церковь разделена с Престолом Петра и несмотря на напряжения между ними, «Церковь – Мать» и «Церкви-Сестры» соединены самыми тесными связями: Евхаристией и апостольской преемственностью. Разделение между христианами коренится скорее в области культуры, нежели в плане догматики или истории.

По этой причине, поиск единства среди христиан не является чем-то факультативным, это необходимость, которая проистекает из самой сущности христианской общины. Необходимо лучшее видение единства, чтобы христианское свидетельство стало более истинным.

Мы убеждены, что диалог между Церквями может и должен отказаться от позиции антагонизма и конфликта и принять новую позицию, в которой Церкви взаимно познают друг друга, как Церквей, установленных Иисусом Христом.

Для решения этой первостепенной нелегкой экуменической задачи, чрезвычайно важна молитва, покаяние и сотрудничество, чтобы благодаря обращению к Господу, стало возможным признание неизменности Примата Петра в его преемниках, епископах Рима. Так может быть принято служение Петра, таким, как его хочет Господь, как вселенское апостольское служение, присутствующее во всех Церквях, и которое может выражаться различными способами, в зависимости от времени и места, как показывает история. По этому поводу, как того пожелал Иоанн Павел II, для уточнения догматов, определенных на I Ватиканском Соборе, необходимо провести экуменическое исследование о служении Петра.

Единство и неделимость евхаристического Тела подразумевает единство мистического Тела, которое является единой и неделимой Церковью. Евхаристия как таинство единства должно все глубже раскрывать нас к поиску единства.

Экуменизм святых и мучеников красноречивым образом свидетельствует, что все наши возражения могут быть преодолены во всеобъемлющем даре любви ради дела Евангелия. Общее свидетельство святых и мучеников особенно в России призывает Церкви к видимому общению ради осуществления новой евангелизации.